

Ильдико РЕГЕЦИ

**ВЗАИМОСВЯЗИ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ:
СОПРИКОСНОВЕНИЯ ПОЭТИКИ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ АВТОРОВ****Interferences in the Field of Literature and Philosophy:
Contact Points in the Poetics of Russian and Hungarian Authors****Dukkon Ágnes: A veszélyes szépség útjain. Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában. Bp., L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat, 2021. 358 pp. ISBN: 978-963-414-702-2****Annotation**

The Hungarian literary scholar Ágnes Dukkon set herself a great task to complete in her new monograph by undertaking to offer a broad overview of the entire 19th century epoch of Russian literature through monitoring the transformation and evolution of the literary motive of *dangerous beauty* [ужасная красота]. While focusing on the concrete correspondences between a variety of literary worlds, the study presents interpretations of works by A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, F.I. Tyutchev, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, F.M. Dostoyevsky, M.Y. Saltikov-Shchedrin, N.S. Leskov, and L.N. Tolstoy. At the same time, however, the author of this monograph never fails to keep in mind the conceptual context of the artistic texts by analyzing their relationship with the topical contemporary philosophical ideas of the age. For the Hungarian readers, the chapters incorporating the conclusions of research aimed at Russian–Hungarian connections, conducted with the methodology of historical poetics, comparative literary studies, intertextuality, and biographism, are of special interest. The scholarly findings of this renowned researcher would definitely deserve to be translated in the future into an international language.

Keywords: *the literary motive of “dangerous beauty”, classic Russian literature, conceptual context, Russian-Hungarian connections, the reception of Russian culture in Hungary*

Заглавие новой монографии венгерской литературоведки Агнеш Дуккон, «A veszélyes szépség útjain» («По путям ужасной красоты»), ставит в центр внимания один мотив – мотив *ужасной красоты*, взятый из поэмы М.Ю. Лермонтова *Измаил-Бей*, и следит за процессом оформления и трансформации данного мотива. Но подзаголовок книги – «Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában» («Идеи, темы, связи в мире классической русской литературы») – в то же время расширяет эту тематику и намекает на то, что в книге одновременно вырисовывается и тот философский и литературный контекст, на основании которого анализируемые в монографии произведения русской литературы XIX века связываются мотивной нитью *ужасной красоты*. Из классической литературы в работе идет речь о поэтике А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева,

Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого. Как видно из перечисления, литературный интерес автора монографии, по сути, охватывает весь XIX век. Такое предприятие под силу только литературоведу, который, как Агнеш Дуккон, подводит итоги нескольких десятилетий, проведенных в сфере притяжения русской культуры, исследуя и преподавая явления классического наследия русской литературы.

Первая часть монографии анализирует произведения представителей эпохи романтизма. Внимание автора концентрируется на взаимосвязях творческих миров Пушкина и Овидия, Пушкина и Байрона, русских классиков и венгерского поэта Яноша Араня. Связи образуются на основе соприкосновения конкретных образов, схожих используемых фольклорных мотивов или жанровых особенностей. В.М. Жирмунский – на которого ссылается и Агнеш Дуккон, касаясь темы романтической поэмы, – трактуя вопрос литературных отношений Востока и Запада, пишет, что «при конкретном сравнительном анализе исторически сходных явлений в литературах различных народов вопрос о стадийно-типологических аналогиях литературного процесса неизбежно перекрещивается с не менее существенным вопросом о международных литературных взаимодействиях» [ЖИРМУНСКИЙ 1979]. Автор монографии в своих интерпретациях ходит по этому же пути, когда, исходя из типологических особенностей, не останавливается на выявлении совпадений, а ищет ответа также на вопрос возможных взаимодействий, направления процесса влияний. Таким образом, в глубине параллели двух поэтических миров часто обнаруживается влияние служащего примером литературного или философского явления, считавшегося определяющим во время романтизма. Как, например, в случае системы лирических образов начала XIX века, на которую, как Агнеш Дуккон убедительно доказывает, повлияли мысли немецкого философа Ф. Шеллинга. Принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма, бессознательно-духовного творческого начала оказали влияние на самые разные поэтические типы, как, например, на Жуковского, Тютчева или венгерского поэта Михая Верешмартти. Литературный ряд продолжается тем, что поэтические образы Жуковского и Тютчева, то есть знаковая система (пре)романтизма, вдохновляют Гоголя. Пейзажные картины цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» венгерская литературоведка интерпретирует в контексте фантастических, находящихся на грани (сно)видения и яви ночных пейзажных картин стихотворений Тютчева.

Выделяется из ряда анализов глава, в рамках которой трактуются «подземная география» и роль хтонических мотивов в ранних произведениях Гоголя. Агнеш Дуккон раскрывает интерес писателя к вопросам географии и геологии, и в то же время показывает, в каких точках писательский интерес соприкасается с мирами мифологии и психологии. Она устанавливает, что в формировании мышления Гоголя играли большую роль пафос стремления к научному познанию цельности и универсальности мира, пропитанное философией и поэзией естествознание, не менее насыщенная романтическим пафосом ре-

лигиозность, а также интерес к мифу и традиции, то есть тем, научная и художественная проработка которых приобретает широкий размах именно в период романтизма. Свой вывод исследовательница аргументирует примерами, взятыми из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (из произведений «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота» и «Страшная месть»), в которых картины «подземной географии» связываются или преобразуются в явления мира фольклора и мифологии с помощью хтонических мотивов.

С точки зрения монографии, повесть «Страшная месть» интересна не только тем, что в ней реалистичные пейзажные картины становятся фантастическими, мифическими, что характерно и для темного направления европейского романтизма, и для народной поэзии, а также тем, что на мотивном уровне повесть перекликается с былинным эпосом о богатыре-великане Святогоре и, в то же время, с венгерской поэмой (малым эпосом) Михая Верешмарти «Два соседних замка». Исследования Агнеш Дуккон показывают, что эта последняя перекличка основывается на сходных поэтических решениях авторов, на скрещении исторического и легендарного, циклического и линейного временных пластов. Внимательный анализ явлений разных временных слоев, сюжета, строящегося в обоих произведениях на напряжении между сферами неба и земли, приводит к выводу, что ранние произведения Гоголя не являются частью его творчества, четко отделяющейся от его дальнейших прозаических текстов (как, например, от цикла «Петербургские повести» или поэмы «Мертвые души»), а органично связаны с более поздними произведениями, в которых также тематизируются темные тени, угрожающие существованию человека.

Следующая часть монографии исследует вопрос восприятия понятий романтизма и реализма. Автор обращает внимание читателя на метафору $2X2=4$ vs $2X2=5$, которая появляется в переписке Белинского и Тургенева в 40-х годах, а потом продолжает свой «литературный путь» в повести Достоевского «Записки из подполья» в 60-х годах. Агнеш Дуккон, исходя из данной формулы, следит за формированием темы символического противопоставления реализма и романтизма, рациональной и иррациональной сфер, которая пронизывает и поэтику Тургенева, таким образом предлагая идеологический подход к его произведениям. Как убедительно доказывает автор монографии, идеи мыслителей современной писателям эпохи представляют собой духовную среду, с которой художник часто вступает в диалог – иногда даже бессознательно, под влиянием общей идеологической атмосферы. Интерес Агнеш Дуккон концентрируется на таких соприкосновениях, при которых открытие параллелей углубляет восприятие художественного творения, когда с помощью раскрытия связей философских и литературных явлений становятся ясными новые слои значения – как, например, в случае параллелей романа Лермонтова «Герой нашего времени» и философского труда С. Кьеркегора «Дневник соблазителя». Тема связи романа русского писателя с трактатом датского философа не является новой в литературоведении: взаимоотношения образа Печорина и вымышленного автора Йоханнеса уже рассмотрели такие

исследователи, как А. Сарафанова [САРАФАНОВА 2006: 225–237], В. Перемилловский [ПЕРЕМИЛОВСКИЙ 1941], В. Мильдон [МИЛЬДОН 2002] или авторы Н. Тетенков и В. Лашов [ТЕТЕНКОВ–ЛАШОВ 2010]. Однако Агнеш Дуккон предлагает нам подход, которого еще не было в специальной литературе: она ставит в центр внимания женские образы произведений, которые в результате сопоставлений проявляют свои отличия от стереотипных романтических женских фигур. Исследовательница считает, что Печорин имеет отношения с четырьмя аспектами женщины: с ундиной, символизирующей самый древний слой архетипа; с Бэлой, воспитанной среди норм племенной иерархии ценностей; с живущей по конвенциям цивилизованного общества Верой и с княжной Мери, находящейся «в преддверии познания». Из этих женщин единственная, над которой он не одерживает победу, – это ундина, то есть, как пишет автор монографии, в символическом плане герой не способен победить стихийную, естественную силу женственности. Остальные женщины, беззащитные перед игрой соблазнителя, сродни с невинными женскими образами Кьеркегора, которые, несмотря на то, что могли бы стать настоящими духовными партнерами для героя (как, например, Вера для Печорина или Корделия для Йоханнеса), остаются для него только средствами попытки поиска себя путем выхода за границы.

Остановившись на творчестве Лермонтова и, в то же время, на той части русской литературы, которая плодотворно воспринимается также с позиций экзистенциальной философии, автор монографии акцентирует внимание на поэтике Достоевского. По мнению А.И. Журавлевой, проблемы испытания и индивидуализма – как лермонтовские темы – ставятся в центр внимания в самой резкой форме в романе Достоевского «Преступление и наказание» [ЖУРАВЛЕВА: 1972]. Агнеш Дуккон, опираясь на выводы данной исследовательницы, указывает читателю на аллюзии и намеки романа, отсылающие к творчеству Лермонтова. Ключевыми мотивами интерпретации становятся дисгармоничность героев, «ужасная красота», раздвоенность, отрицательная сила и демонизм. Из этих атрибутов персонажей раздвоенность является понятием, встречавшимся и в статье В. Белинского, и в эссе Вл. Соловьева о писателе эпохи романтизма. Несмотря на разницу критиков-мыслителей и во времени, и в мировоззрении, оба считают, что в душе Печорина присутствует противоречие между ограничениями личности и жаждой бытия высшего порядка. Однако, в то время как Белинский представляет свое мнение в параллели с оформлением мыслей Кьеркегора, эти же экзистенциальные вопросы звучат у Соловьева под влиянием более позднего представителя направления экзистенциализма – Ф. Ницше. Широкий кругозор автора монографии проявляется в том, что она при анализе литературных явлений никогда не упускает из виду ту духовно-философскую среду, которая не просто является статичным «задним фоном» произведений, но с которой художественная литература очень часто ведет диалог, идеи которой много раз оплодотворяли ее. Мы вполне согласны с автором в том, что без контекста философских идей эпохи невозможно полностью раскрыть смысловой потенциал литературных произведений.

В монографии мышление античных авторов, революционных демократов, европейского и русского экзистенциализма, религиозных мыслителей рубежа XIX–XX веков или психологов Г. Фрейда и К.Г. Юнга представляются в органичном единстве с литературой и дают повод говорить о таких слоях значения произведений, которые без понимания взаимосвязи явлений духовного мира и сферы искусства остались бы скрытыми от читателей. Новые для конца XIX – начала XX веков теории упомянутых психологов ставят в совсем новое измерение в том числе и произведения Достоевского. Этот вывод верен несмотря на то, что сам писатель – как общеизвестно – дистанцировался от науки психологии. Агнеш Дуккон прибегает к конкретным, научно доказанным фактам, и анализирует взаимосвязи мыслей о бессознательном Достоевского и предшественника Фрейда – Карла Густава Каруса. Однако внимание автора монографии сосредоточено не только на совпадениях, она обращается и к тому, в чем обнаруживается разница между восприятиями «души» теоретика романтизма и русского писателя. Ведь, как мы читаем, в то время как в мышлении немецкого ученого доминирует античное учение (влияние Платона и Аристотеля), Достоевский постепенно углубляется в евангельскую антропологию. Наблюдение аналитика объясняет, почему русские религиозные мыслители, как В. Розанов, С. Булгаков, В. Иванов или Н. Бердяев, и венгерские протестантские теологи начала XX века интенсивно интересовались творчеством русского писателя. В монографии вырисовываются обе упомянутые линии: с одной стороны, исследовательница напоминает об интерпретациях вставной притчи «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» у Сергея Булгакова и Николая Бердяева и следит за процессом расширения вопроса о роли образа инквизитора в романе до космических масштабов. С другой стороны, она убедительно иллюстрирует, что поиск пути и стремление к обновлению у венгерских протестантских теологов органично связаны с их интересом к произведениям Достоевского, особенно к восприятию проблематики свободы и личности у русского писателя. С точки зрения венгерского читателя, одной из самых интересных глав монографии является та, в которой автор трактует точки соприкосновения интерпретации венгерского теолога Ласло Ватаи и теорий М. Бахтина. По мнению автора, данные совпадения объясняются общей философской основой мыслителей, то есть экзистенциализмом (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс), а также трудами русских философов в эмиграции.

Оставаясь у темы венгерской рецепции, последняя часть монографии содержит статьи о деятельности переводчиков и ученых XX века, сыгравших определяющую роль в качестве посредников в знакомстве Венгрии с русской культурой: Реже Хонти (1879–1956), Шандора Бонкало (1880–1959), Дюлы Лазичиуша (1895–1957) и Миклоша Сабо (1912–2011). Значение глав биографических обзоров состоит не только в том, что автор посвящает свой труд упомянутым представителям русско-венгерских культурных связей, но и в том, что сегодняшнее поколение филологов-переводчиков видит в них примеры приверженности русской культуре в самые сложные времена мировой политики.

Суммируя наше мнение, работа Агнеш Дуккон является достойным продолжением самых значимых стремлений в области передачи классического наследия русской литературы венгерской публике. Богатство монографии невозможно передать на нескольких страницах научной критики: мы не касались темы воспитания детей у Достоевского, вопроса сатирического жанра в России (М.Е. Салтыков-Щедрин), связи искусства и религии у Н.С. Лескова и позднего Толстого, отношения этих писателей к древней русской литературной традиции и к фольклору, темы выхода из кризиса в форме спуска в сферу «субкультуры» или поиска «святой гармонии» (Вл. Соловьев), которые также являются важными главами книги. Мы считаем, что из-за высокого уровня изложения темы контактных связей двух культур и интерпретаций произведений русского золотого века работа была бы достойна издания в русском или английском переводах, чтобы с ней могла ознакомиться более широкая публика любителей русской культуры и читателей, интересующихся наиболее свежими достижениями венгерской филологии.

Литература

- DUKKON Ágnes 2021: A veszélyes szépség útjain. Ezmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában. Budapest: L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat.
- ЖИРМУНСКИЙ, В.М. [ŽIRMUNSKIJ, V.M.] 1979: Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения [Literaturnye otnošenija Vostoka i Zapada kak problema sravnitel'nogo literaturovedenija] <https://studfile.net/preview/9872019/> (Дата обращения: 29.03.2023).
- ЖУРАВЛЕВА, А.И. [ŽURAVLEVA, A.I.] 1972: Лермонтов и Достоевский // Известия А.Н. СССР, Серия литературы и языка [Lermontov i Dostoevskij // Izvestija A.N. SSSR, Serija literatury i jazyka], т. 31, 142–156.
- МИЛЬДОН, В.И. [MIL'DON, V.I.] 2002: Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь» [Lermontov i Kirkegor: fenomen Pečorina. Ob odnoj russko-datskoj paralleli // «Oktâbr'»] № 4: 177–186.
- ПЕРЕМИЛОВСКИЙ, В.В. [PEREMILOVSKIJ, V.V.] 1941: Лермонтов. Харбин–Прага [Lermontov. Harbin–Praga].
- САРАФАНОВА, А. [SARAFANOVA, A.] 2006: О силе «мертвой буквы» (Комментарии к Дневнику обольстителя) // Кьеркегор, С.: Дневник обольстителя, пер. с дат. П. Ганзена. Санкт-Петербург. [O sile «mërtvoj bukvy» (Kommentarii k Dnevniku obol'stitelâ) // K'erkegor, S.: Dnevnik obol'stitelâ, per. s dat. P. Ganzena. Saint-Petersburg] 225–237.
- ТЕТЕНКОВ, Н.Б. – ЛАШОВ, В.В. [ТЕТЕНКОВ, N.B. – LAŠOV, V.V.] 2010: Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексирующего героя // Философия и общество [K'erkegor i Lermontov: obraz refleksiruûšego heroâ // Filosofija i obšestvo] № 4 (60) 90–100.

Ильдико РЕГЕЦИ
Дебреценский университет
Институт славистики
Дебрецен, Венгрия
regeczi.ildiko@arts.unideb.hu
ORCID 0000-0001-8901-510X

